

Глеб Ванин

Происшествие

16+

Глеб Александрович Ванин

Происшествие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35484939

SelfPub; 2018

Аннотация

Нельзя было предполагать, что ничем не примечательным утром, когда все должно начинаться, всему внезапно пришлось закончиться. И виной тому Происшествие.

Глеб Александрович Ванин
Рассказ «Происшествие»

Я умираю уже второй месяц. В боли и страданиях я провел это время. Я чувствую, как жизнь медленно, капля за каплей, истекает из меня. Ощущение близости смерти уже отразилось на мне. Мое тело стало мне неприятно. Оно вынуждает меня испражняться, постоянно ломит суставы и болит голова. Я не хочу быть в сознании и не могу забыться. Мне хочется спать, но я никак не могу уснуть. Я хочу есть, и меня все время тошнит. За время болезни я понял, что навсегда утратил свою человеческую сущность и больше не смогу вернуться в люди. Я уже не помню, как правильно говорить и одеваться, во сколько *положено* ложиться спать и когда *можно* шуметь. Я не помню, для чего люди отдают честь и носят деньги в кармане. Я забыл, что такое день и ночь. Мне самому очевидно, что я теряю рассудок. Из нормального человека я превратился в зверька, с нетерпением ждущего смерти как последнего шанса на избавление. Сейчас я не боюсь смерти как раньше. Сейчас я *жажду* ее, хочу почувствовать всем своим существом, каково это – умирать. Мне становится тепло от этой мысли, со смертью уйдут боли и страдания. Я даже если захочу не смогу представить, что произойдет, *если* я выздоровею. Неужели просто заживу как прежде? Как ни в чем не бывало вернусь на рабочее место,

буду смотреть ТВ, а по вечерам пятницы ходить в бар? Это уже немыслимо сейчас, после того как, я *узнал*.

Я, собственно, не узнал ничего такого, чего до этого не понимал. Я всегда знал, что умру, и что жизнь – страдание. Просто раньше, когда я жил в мире людей, мне удавалось скрывать эти мысли от себя. Они всегда были *около* сознания, *под* сознанием, рядом с ним, но никогда в него не пробивались и отчетливо не осознавались. В течении жизни мысль о смерти всячески вытеснялась из моей головы. Я не позволял себе думать о ней, поскольку она мешала мне жить. Или, вернее, делать вещи, делая которые я считал, что живу. Я вытеснял смерть из своей жизни, до тех пор, пока она в отместку не ворвалась в меня. Смерть стала моей жизнью.

Моя прошлая жизнь превратилась в воспоминание. Но не в воспоминание обо мне, а в смутную картину, неясный образ, какие обычно помнишь утром после беспокойного сна. Так я сейчас вижу свою жизнь, такова моя участь. Моя жизнь – воспоминание о кошмаре, не более. То есть все, что эти воспоминание мне приносит – боль и тревога. Тревога вообще захватила мое существо. Ее причина не в близости смерти, как я изначально предполагал, а в *осознании*. Любовь и мгновения радости, которые у меня были, навсегда утеряны, они раскрошились на мелкие, бессодержательные осколки, оставив меня в пустой реальности. Остался только я на больничной койке, смотрящий в потолок, с дыркой в животе.

Кстати о дырке...

Тем утром я, как обычно, вышел из дома в шесть тридцать, ни секундой раньше, ни секундой позже. Я за годы жизни в Москве выработал свою рутину, мне уже не нужны были будильник и часы. Я все делал автоматически и при этом всегда вовремя все успевал сделать. От моего дома (комната в трех комнатной квартире) до ближайшей станции метро было сорок минут ходьбы. Я редко ходил до метро пешком, поэтому тем утром отправился на остановку, чтобы оттуда доехать на автобусе до метро. Много народу было со мной на остановке, все ждали автобуса, им тоже нужно было на работу. Меня тогда не удивляло, как миллионный город живет по расписанию, как мы все неосознанно следуем друг за другом и ведем одинаковый образ жизни лишь с незначительными вариациями. Мне было не до этого.

Чтобы убить время ожидания, я забавлялся с телефоном, разглядывая фотографии моих друзей в соцсетях и ставя им лайки. Мне было тридцать лет, а я проводил свое утро, ставя лайки... Внезапно я услышал вопль. Женщина пискливым голосом кричала: «А-а-а, задавит же». Затем я почувствовал сильнейший толчок, меня как порыв ветра, потащила какая-то сила. Я потерял сознание.... Оказалось, автобус въехал в остановку. Я был одной из жертв. Водитель успел остановиться, так что меня только слегка зажало между автобусом и фонарным столбом. Я бы вообще отделался испугом, если бы не лобовое стекло, осколки которого пронзили мой живот. Особый урон причинил один осколок, сантимет-

ров тридцать длиной, как кинжал, он распорол мое брюхо с правой стороны, где находится аппендицит до самого пупка. Я не знаю, были ли задеты органы, но дыра не заживает уже два месяца.

Эти два месяца я провел здесь, на этой кровати в одиночной палате. Впервые у меня появилось столько времени на себя. Я потратил его на размышления, сосредоточив все свое внимание на себе. Я много думал, вспоминал свою жизнь, прокручивал ее в голове. Я как будто проводил анализ кинофильма или работу над ошибками. После того, что я надумал, для меня нет возврата в люди.

Однажды столкнувшись с неизбежностью смерти, я познал ее как окончательную реальность. Я прошел все пять стадий принятия неизбежного. Скажу больше: я уже на шестой стадии – равнодушии. Два месяца были пыткой, пока я безоговорочно не объял смерть.

Сейчас меня уже редко кто навещает. Первое время приходили с работы, два раза приезжала мать, однако последние две недели – никого. Не знаю, что случилось, может, дело во мне, в моем виде или настроении, но никто кроме персонала больницы не желает меня видеть. Признаться, я рад, что никого не вижу. Да и о чем мне с ними говорить? Я не хочу притворяться, будто мне интересно, что происходит в офисе или как дела у моих родителей и сестры. Я *уже* умер духовно, если хотите. Осталось только умереть физически.

Я родился в городе Н. в небогатой семье. Мать всю жизнь работала учителем в школе, отец же не имел постоянной работы. Он был то водителем, то охранником, то разнорабочим. У меня еще была старшая сестра, однако ее рано выдали замуж, так что я даже не помню, как мы росли вместе. Я жил с родителями до двадцати пяти лет, затем, с помощью товарища, переехал в Москву.

Жизнь дома не была чересчур счастливой, да и особенно несчастной ее назвать нельзя. Мы были обычной семьей, одной из многих ничем не примечательных семей. Родители мало уделяли мне внимания, меня воспитывали старшие друзья. От них я научился ругаться матом, с ними попробовал курить и пить алкоголь. Они были моими наставниками и авторитетами, я бездумно перенимал их мысли и стремления. Родители были заняты работой. Я сейчас удивляюсь, зачем было вообще рожать ребенка, если времени на воспитание совсем нет. Денег в семье постоянно не хватало, покупали только все первой необходимости. Одежду мне брали всегда на вырост, учебники и тетради доставались от сестры. Но я никогда не чувствовал нужды, планка потребностей была установлена так низко, что мне достаточно было самого необходимого.

Отдельных воспоминаний о детстве у меня практически нет. Детство для меня слито в одну картину, в которой сложно что-то разобрать. Самое раннее, что я помню это похороны моей прабабушки. Я не знаю, почему мое первое детское

воспоминание связано со смертью (судьба?).

Прабабушка жила в нашем городе, однако хоронили ее в деревне, в которой прошла ее молодость. Ее привезли на автобусе в деревню и выставили гроб на улицу, где собралось много народу. Одна старушка (видимо ее знакомая) подошла к гробу, склонила голову и в голос причитала: «Нюрка ты на кого нас покинула?». Она как бы винила прабабушку за смерть, как будто та могла и не умереть, если бы захотела.

В ночь перед выносом бабушку отпевали. Мы пригласили каких-то старух, которые всю ночь пели у гроба. Этот ритуал вселил ужас в меня. Певчие старухи выражали собой смерть, их монотонные, ржавые голоса скребли мою детскую душу. В их голосах для меня звучала горькая насмешка не только над жизнью прабабушки, но и над нами еще живыми. Весь процесс похорон также меня поразило. Мне казалось, тело нужно было скорее хоронить, а не возиться с ним попусту, как того требовали традиции. Я считал, что все проходило под знаком излишней церемонности, как будто за церемонностью хотели скрыть жуть происходящего. Ни одна эмоция, помимо ужаса меня тогда не посетила.

Так я впервые встретился со смертью. Я тогда не знал, какую роль ей предстоит сыграть в моей жизни. Я не представлял, как реагировать на смерть. Она появилась из ниоткуда. Я воспринял ее, как новое время года или невиданное доселе явление природы. Смерть – противоположность жизни, она ураганом ворвалась в мой мир, появилась как из преис-

подней и внесла в него хаос и ужас. Невозможно было объяснить, почему в природе все живое *должно* умереть. Я поразился факту, что есть человек и в следующее мгновение, как по щелчку пальцев, его уже нет. Неужели и я умру? Я задавал вопросы взрослым: маме и бабушке, но они меня успокоили и сказали, что я не умру, а если и умру, то не скоро (ирония судьбы). Они мне дали крестик и уверили меня, что есть рай, что после смерти люди попадают туда, для этого нужно только *правильно* жить. Я не задавал тогда вопросов, что значит правильно жить, маленькому мне было очевидно, что правильно это как все.

В тот же год, в сентябре меня отвели в школу. «Правильно жить» – школа должна была научить меня как. Я воспринимал школу, как подготовку к раю. Бог хочет, чтобы я жил правильно, тогда я попаду рай, закончиться тревоги и не будет смерти. Все людское стало *божьим*, т.е. правильным для меня. Школа от бога, директор от бога, все, что я видел вокруг себя, породил бог. На все мои «почему» был один ответ – Бог. Он создатель и родитель всего. Каждая вещь и явление имеют смысл, потому что за ними стоял Бог. Такая логика вела меня в детские годы жизни.

И я так жил в спокойствии и гармонии через школьные годы. Вопрос о смерти сначала ушел на второй план, а затем и вообще исчез за «заботами» и «делами», в которых я проводил почти всю свою жизнь. Вместе со смертью на второй план ушел и Бог. Мне уже не требовались объяснения, поче-

му и для чего мы делаем вещи, эти вещи сами стали ответами на все вопросы. «Меньше слов и больше дел». Вопросы рождаются от безделья, от лукавого. Они рушат «гармонию» и «порядок» и занимают слишком много драгоценного времени, которого и так не хватает. Таким образом, вопрос о смерти незаметно ушел для меня на второй план и больше не вставал передо мной до самого происшествия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.